

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О походно-улусныхъ церквахъ для калмыковъ, кочующихъ въ Астраханскомъ краѣ.

(Продолженіе) (*).

Съ того времени, какъ начались переселенія крещенныхъ калмыковъ въ Ставрополь, гдѣ, въ религіозномъ отношеніи, они подчинены были надзору архимандрита Никодима; крещеными калмыками оставшимися въ степяхъ Астраханской губерніи, завѣдывалъ протопопъ Чубовскій и другіе священники. Въ кочевьяхъ Астраханскихъ калмыковъ устроено было нѣсколько походныхъ церквей. Православное духовенство продолжало обращать калмыковъ въ христіанство. Особенно большими массами кочевники принимали св. крещеніе, въ періодъ времени, съ 1760 по 1770 годъ. Въ дѣлахъ архива калмыцкаго управленія, сохранилось указаніе, что вслѣдствіе представленія состоявшаго при калмыцкихъ дѣлахъ бригадира Бѣхтеева, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 8 іюля 1762 года, предписала Астраханской губернской канцеляріи отпустить 1000 рублей, на *построеніе походной церкви, „которая была-бы непотыдная отъ азіатскихъ народовъ“*. Причемъ назначено было ежегодно отпускать по 50 рублей на церковное вино. По всей вѣроятности это положеніе прежнихъ походныхъ церквей, ибо распоряженіе объ отпускѣ денегъ на церковное вино, ссылается на указъ 31 октября 1760 года.

Распоряженія правительства о переселеніи крещенныхъ калмыковъ въ Ставрополь (на Волгѣ) были несприятны для кочевниковъ. Незвѣстность жизни, на новомъ мѣстѣ и прекращеніе связей съ единоплеменниками—ламантами, были причиною частыхъ побѣговъ. Съ другой стороны, благодѣтельная мысль правительства—отдѣлить крещенныхъ калмыковъ отъ некрещенныхъ, при самомъ началѣ была парализована, съ одной стороны, недобросовѣстностію исполнителей, а съ другой—подчиненіемъ крещенныхъ калмыковъ княгинѣ *Тайшиной*, которая не пользовалась уваженіемъ въ средѣ кочевниковъ.—Такъ, въ обширной перепискѣ, производившейся по предмету подворенія крещенныхъ калмыковъ въ указанной мѣстности, имѣется донесеніе оберъ-коменданта Астраханской крѣпости Унгера, который, въ отвѣтъ на предписаніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отправить крещенныхъ калмыковъ въ Ставрополь, доносилъ, что многіе изъ нихъ, по наущенію зайсанговъ, разбѣжались по улусамъ, и осталось только не большое число, собранныхъ судьей Черкасовымъ, именно 159 душъ мужскаго пола и 128 душъ женскаго пола. При отправленіи означеннымъ лицамъ выдано было: зайсангамъ по 2 рубля, а простымъ калмыкамъ по 1 рублю. Всѣхъ собранныхъ калмыковъ, съ ихъ имуществомъ, отправили водою по Волгѣ, а скотъ гнали по берегу рѣки.

(*). См. Астрах. Епарх. Вѣд. №№ 25 и 26.

Для надзора и охраненія партіи переселенцевъ, назначенъ былъ конвой, изъ одного сержанта, 20 солдатъ и 28 допскихъ казаковъ, подъ командою прапорщика Неронова(*). Во время слѣдованія транспорта, на конвой сопровождавшій переселенцевъ, напали некрещенные калмыки, отбили крещенныхъ; при этомъ убитъ одинъ солдатъ, а два казака пропали безъ вѣсти. Офицера и остальную команду калмыки связали, оставивъ при ней караулъ изъ крещенныхъ калмыковъ, которые также участвовали въ нападеніи. Весь конвой былъ связавъ дотолѣ, пока напавшіе калмыки съ отбитыми единоплеменниками, успѣли скрыться въ степи. Прапорщикъ Нероновъ въ донесеніи своемъ объ этомъ обстоятельстве, между прочимъ писалъ, что калмыки, отпуская его, сказали: „ступай въ Астрахань и скажи, что мы учинили это нападеніе за обиды татарскихъ и калмыцкихъ дѣлъ судьи Черкасова, который получивши указъ собрать крещенныхъ калмыковъ, безъ остатку, нѣкоторыхъ изъ насъ послалъ; а другихъ обобралъ, вкупѣ съ тѣми школьниками, которые насъ собирали, и взялъ съ иныхъ 500, съ другихъ 10 и даже 5 рублей; а 4 кибитки, находящіяся у него въ услуженіи, вовсе скрылъ“. Нероновъ возвратился не исполнивъ возложеннаго на него порученія. Вслѣдствіе этого обстоятельства, Унгеръ писалъ къ калмыцкому хану *Дондокъ-Омбо* о высылкѣ изъ улусовъ крещенныхъ калмыковъ; но ханъ отвѣтилъ, „что онъ многократно доносилъ Ея Величеству, что сіи крещенные калмыки, отъ своего закона уклоняясь, а вашу христіанскую вѣру не весьма желательно, чаю, что приняли, и только они могутъ между калмыками и русскими смутку дѣлать; а нынѣ я съ тѣми ворами и лживцами не совѣтовался и имъ къ себѣ приходить не велѣлъ, и теперь при мнѣ не имѣется“. Однако-жъ, усиленными мѣрами мѣстнаго начальства, крещенные калмыки были собираемы, и, небольшими партіями отправляемы къ мѣсту водворенія. Затѣмъ въ 1742 году, снова было подтверждено непремѣнно отправлять крещенныхъ калмыковъ въ указанное мѣсто, потому-что „калмыки крестятся но не согласяясь съ своими владѣльцами; а по крещеніи, проживая въ близости ихъ, вымогаютъ отъ нихъ свои требованія, и получа оныя, паки къ нимъ бѣгаютъ“(**).

Побѣги изъ Ставрополя особенно усилились съ 1750 г., вслѣдствіе про-

(*) Дѣло архива калм. управ. 1730 года № 101, отд. истор.

(**) Дѣло арх. кал. упр. 1747 года № 267, отд. истор.—Несогласія съ зайсангами или владѣльцами, нерѣдко бывають поводомъ къ принятію св. крещенія и нынѣ. Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, опекунъ Малодербетэвскаго улуса зайсангъ Алангашевъ долженъ былъ передать имѣніе достигшему совершеннолѣтія нойону Тундугтову. При передачі опеки, оказался дефицитъ, противу отчетовъ. Произшла ссора и зайсангъ, желая сдѣлать неприятность владѣльцу, изъявилъ было желаніе креститься, съ немалымъ числомъ подчиненныхъ ему калмыковъ. Выбранные депутаты явились въ Астрахань, подали прошеніе о желаніи ихъ однородцевъ принять св. крещеніе. Дѣло это тянулось что-то долго; года два, если не больше, за исполненіемъ канцелярскихъ формальностей. Между тѣмъ Алангашевъ съ Тундугтовымъ помирился. И, когда по соблюденіи всѣхъ канцелярскихъ формъ и обрядовъ, нужно было приступить къ совершенію св. крещенія, то всѣ калмыки Алангашева отказались, говоря, что прежде думать было креститься, а теперь передумали. Только человѣка четыре, или пять, изъ подававшихъ прошеніе отъ лица своихъ единоплеменниковъ, окрещены въ г. Черномъ-Яру.

тиводѣйствія и послушанія калмыцкаго хана *Дондокъ-Дани* и ноёновъ, укрывавшихъ бѣглыхъ крещенныхъ калмыковъ^(*). Астраханскій губернаторъ Бекетовъ, признавая, что главная причина побѣговъ заключается въ нежеланіи калмыковъ принявшихъ христіанство переселиться въ Ставрополь, въ 1765 году ходатайствовалъ о предоставленіи имъ права жить гдѣ пожелаютъ. На это представленіе отъ Императрицы Екатерины II, послѣдовала резолюція таковая: „*дозволить можно; но публиковать не должно*“^(**). Вслѣдствіе этого высылка крещенныхъ калмыковъ въ Ставрополь была приостановлена. Отъ крещенныхъ калмыковъ начали отбирать только поддѣлки кто и гдѣ жить пожелаетъ; имъ предоставлено было право записываться въ казаки, или приписываться къ какому нибудь цехамъ.

При возникавшихъ несогласіяхъ съ зайсангами и владѣльцами, калмыки переходили въ христіанство для того, чтобы сдѣлаться отъ нихъ независимыми. Съ другой стороны, разрѣшеніе правительства приписываться имъ въ казаки много способствовало принятію крещенія кочевниками. Потому-что своевольная жизнь и удальство тогдашнихъ казаковъ близко подходило къ обычаямъ степныхъ кочевниковъ, а потому и привлекало многихъ къ крещенію, изъ желанія поступить въ казаки. Священники походныхъ церквей, (которыя устроены были, для крещенныхъ калмыковъ, не пожелавшихъ переселиться въ Ставрополь) весьма часто совершали надъ калмыками св. крещеніе. Особенно большими массами крестились калмыки во второй половинѣ XVIII столѣтія. Многіе изъ нихъ пожелали зачислиться въ казаки; потому и были приписаны: одни къ Моздокскому полку, Терскаго казачьяго войска; а другіе переведены были въ Чугуевъ^(***) и Мариупольскій уѣздъ Екатеринославскаго намѣстничества. Сія послѣдніе, частію пожелали жить осѣдло, частію по неспособности подчиняться военной дисциплинѣ, впоследствии, переведены были въ кочевья къ своимъ единоплеменникамъ, на земли Донскаго войска, и въ количествѣ 406 ревизскихъ душъ, причислены къ калмыкамъ, потомки которыхъ носятъ названіе Базовыхъ калмыковъ. Имъ, какъ крещеннымъ калмыкамъ, предоставлены слѣдующія льготы: освобожденіе отъ платежа податей и рекрутской повинности. Но въ настоящее время большинство изъ нихъ идолопоклонники.

Зачѣмъ, своеволія калмыковъ бравшихъ „въ полонъ“ русскихъ, для перепродажи крымскимъ татарамъ или черкесамъ, грабившихъ селенія и отгонявшихъ скотину, побудили правительство издать нѣкоторыя ограниченія правъ намѣстниковъ и хановъ калмыцкихъ; водворить казачьи станицы, по Волгѣ; увеличить русскія поселенія въ Астраханской губерніи; завести военныя линіи по берегамъ Волги, Урала и Самары. Всѣ эти распоряженія не могли

(*) Дѣло архив. калмык. управл. 1752 года № 309.

(**) Дѣло того-же архив. 1764 года № 458.

(***) Бисъ Петръ Великій повелѣвалъ: „крещенныхъ калмыковъ переселить въ Чугуевъ, въ слободскіе полки, въ 1716 году“. Полн. Соб. Зак. Россійск. Импер. Т. V, № 3001; дѣло арх. калм. управл. 1731 года № 55, отд. истор.

правиться калмыкамъ, привыкшимъ къ своеволію, которое поддерживали и ханы, не смотря на неоднократныя присяги вѣрноподданства русскимъ Царямъ. А главное, распространенный въ то же время между кочевниками слухъ, что русское правительство намѣрено отобрать большую часть земель, которыя занимали калмыки, принудить ихъ къ осѣдой жизни и, по окрещеніи обратить всѣхъ въ военное сословіе, произвелъ большое смятеніе между нойонами, зайсангами и калмыками, которые рѣшились снова откочевать въ Зюнгарию. Планъ бѣгства, задуманный калмыками, приведенъ былъ въ исполненіе въ январѣ 1771 года, въ правленіе малолѣтняго ханскаго намѣстника *Убаши*. Большая часть калмыковъ, находившихся на луговой сторонѣ Волги, покочевала къ рѣкѣ Уралу, направляясь къ границамъ Китая. Это шествіе сопровождалось разбоями и грабежами, отъ которыхъ особенно пострадали армяне; въ то время торговавшіе въ степяхъ чихиремъ (краснымъ виномъ) и другими продуктами необходимыми для кочевниковъ. У нихъ было отнято и красное вино и кызлярская водка, которую не гласно продавали вмѣсто чихири и всѣ товары. Торговцевъ прогнали изъ степей ни съ-чѣмъ. Кромѣ степныхъ торговцевъ, отъ грабежей и насилій калмыковъ немало пострадали и жители селеній, лежащихъ по пути, а также и Красноярскіе обыватели. Шествіе калмыцкой орды, состоящей по нашимъ официальнымъ отчетамъ изъ *тридцати тысячъ кибитокъ*; а по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ калмыцкихъ рукописей изъ *девяносто тысячъ*(*) до р. Урала было настоящимъ праздникомъ; народъ ликовалъ возвращаясь на родину. Но съ переходомъ за р. Ураль степь перемѣнилась; своеволія калмыковъ встрѣтили отпоръ въ кочевомъ народѣ — киргизахъ, которые за отгонъ скота и грабежи нѣкоторыхъ калмыковъ убивали, а другихъ брали въ плѣнъ. По незнакомію дороги, калмыки часто заходили въ такія безводныя мѣстности, въ которыхъ и люди и скотъ гибли въ значительномъ количествѣ. Ропотъ въ народѣ усилился; одни хотѣли было воротиться въ Россію; а другіе ожидали, какъ особеннаго благодѣянія — погони за ними русскаго войска; но ни того ни другаго не исполнилось. Послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ пути, весьма ограниченное число калмыковъ достигло Зюнгари, потерявъ почти весь скотъ, павшій или отбитый у нихъ въ дорогѣ киргизами. Зюнгарія въ то время принадлежала Китайскому правительству, почему прикочевавшихъ калмыковъ и распредѣлили по кантонамъ Илійской области. Въ предѣлахъ Россіи осталось около 13,000 кибитокъ, единственно потому, что одни кочуя около Кавказскихъ предгорій, за отдаленностію; а другіе по неимѣнію лодокъ для переправы на лѣвый берегъ рѣки Волги, не могли соединиться

(*) Послѣдняя цифра кажется справедливою: по калмыцкіе ханы и владѣльцы, для уменьшенія взноса податей, всегда показывали половинное число кибитокъ. Между тѣмъ, по официальнымъ отчетамъ калмыцкаго управленія видно, что послѣ прибытія въ Россію Хо-Урлюка, изъ Зюнгари, часто прикочевывали новыя и даже значительныя партіи калмыцкихъ семействъ, такъ что во второй половинѣ XVIII столѣтія, по официальнымъ свѣдѣніямъ, значилось калмыковъ до 80,000 кибитокъ, или семействъ, подвластныхъ намѣстнику хана и подчиненныхъ ему, въ вассальныхъ отношеніяхъ, нойонамъ и зайсангамъ.

съ единоплеменниками. Въ 1771 году Волга до половины января не замерзала, потому покрылась тонкимъ льдомъ, низовья-же вовсе не замерзали. Послѣ бѣгства *Убаши*, званіе калмыцкихъ хановъ уничтожено; надзоръ за калмыками усиленъ; путь въ Азію начали заграждать; въ отправленіяхъ посольствъ къ Далай-Ламѣ отказано; сношенія съ Тибетомъ совершенно прерваны. Это запрещеніе наломничества существуетъ и доселѣ. Центромъ калмыцкаго правленія избранъ г. Енотаевскъ(*)).

Въ г. Енотаевскѣ, въ особо устроенномъ домѣ для управляющихъ калмыцкою частію, хранилась и *походная церковь*, построенная по предписанію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 8 июля 1762 года. Въ послѣдствіи она сторѣла вмѣстѣ съ малою деревянною церковію, находившеюся при томъ же калмыцкомъ штатѣ. Сумма 50 рублей, назначенная по указу 31 октября 1760 года, на церковное вино, выдавалась въ церковь Енотаевской крѣпости до 1822 года.

Послѣ бѣгства калмыковъ въ 1771 году, кочевники, оставшіеся въ степяхъ Астраханской губерніи, были распределены между войнами (владѣльцами), которые остались въ Россіи и, въ то же время повелѣно было войнамъ управлять своимъ улусомъ, каждому отдѣльно, давая судъ и расправу по калмыцкому уложенію и обычаямъ(**). Въ это-то переходное время особенно усилилось закрѣпощеніе крещенныхъ калмыковъ за разными лицами. Указомъ 1737 года всякому было дозволено *покупать, крестить и держать у себя калмыковъ*, и быть имъ у тѣхъ, у кого объявлены *не отземлемо*, почему и дѣлались они „*яко ихъ крѣпостными*“. Такимъ образомъ явились крѣпостные рабы изъ калмыковъ, не только у помѣщиковъ, но и у людей всякаго званія. Эти права, предоставлявшія широкой пестротѣ для злоупотребленій, дошли наконецъ до того, что *торговля калмыками открыто происходила на рынкахъ*. Калмыцкіе владѣльцы и зайсанги, за свои долги отдавали калмыковъ цѣлыми семьями русскимъ кредиторамъ; воровали и отбивали другъ у друга людей для продажи. Порядокъ закрѣпощенія былъ не многосложный. Православное духовенство обыкновенно представляло „*проморію*“, что такіе-то калмыки окрещены; проморія представлялась въ губернскую или воеводскую канцелярію, которая и выдавала „*отписъ*“, что они поступаютъ въ „*холопы*“ къ такому-то; тѣмъ дѣло и оканчивалось. Въ случаѣ-же жалобъ со стороны недовольныхъ калмыковъ, имъ предстоило *наказаніе батогами*. Этимъ правомъ особенно пользовались лица, стоящіе во главѣ управленія, сохранилось очень много фактовъ, о выдачѣ „*отписей*“ Астраханскому губернатору генераль-поручику Н. А.

(*) Этотъ городъ, еще прежде былъ намѣченъ правительствомъ для централизаціи калмыцкаго управленія. Тамъ, еще до бѣгства калмыковъ, для калмыцкаго хана Дондокъ-Даши былъ выстроена казною и подарена ему великолѣпный домъ, въ которомъ онъ однако не жилъ. Домъ этотъ впоследствии заняли пренебреженными мѣстами. (Географ. Словар. Щеватова 1804 г.).

(**) Высочайшій указъ 19 сентября 1771 года.

Бекетову, на калмыковъ, подаренныхъ ему или купленныхъ, по нѣскольцу десятковъ семействъ, у владѣльцевъ Замяна, князя Дондукова и другихъ. Даже рыбопромышленники закрѣпощали цѣлыя семейства калмыковъ, за долги, по недолгову рыбы(*).

Впрочемъ, этотъ способъ закрѣпощенія калмыковъ, основанный на принятіи ими христіанства, имѣлъ невыгодныя послѣдствія. Побѣги крещенныхъ калмыковъ къ некрещенымъ, которые ихъ укрывали, сдѣлались явленіемъ обыкновеннымъ. Калмыки, просвѣщенные св. крещеніемъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, сознавая невыгоду своего положенія—быть „холопами“ закрѣпощенными русскими людьми, по наущенію зайсанговъ и ламайскаго духовенства, которые кочевали близъ предгорій Кавказа, снова обратились въ идолопоклонство; къ нимъ присоединились почти все изъ кочевниковъ, крещенные казаки Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска, которые, съ своими единоплеменниками откочевали на рѣку Куму, гдѣ живутъ и доселѣ. Тамъ, въ настоящее время, существуетъ улусъ, который носитъ „официальное названіе“ „улусъ крещенныхъ калмыковъ“,—несмотря на то, что въ немъ нѣтъ ни одного христіанина, и, чуть не въ каждомъ хотонѣ, можно встрѣтить два—три кчелунга. Улусъ этотъ кочуетъ въ Ставропольской губерніи, соприкасаясь предѣламъ Астраханской губерніи, гдѣ кочуютъ калмыки Эркетевскаго улуса. Въ немъ имѣется особый попечитель, помощникъ и весь штатъ улуснаго управленія. Подобныя отпаденія новообращенныхъ калмыковъ отъ христіанской вѣры и послужили поводомъ къ тому, что правительство, въ началѣ XIX столѣтія, запретило покупать калмыковъ, для обращенія ихъ въ крѣпостныхъ(**).

Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ исходѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія, правительство занятое дѣленіемъ улусовъ, опредѣленіемъ правъ владѣльцевъ, новымъ устройствомъ управленія калмыками, оставшимися въ Россіи, не имѣло времени обращать вниманіе какъ на распространеніе христіанства, между калмыками, такъ и на устройство походно-улусныхъ церквей.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Парменъ Смирновъ.

(*). Потому-то вѣроятно и донинѣ осталось калмыцкое названіе хозяина рыболовной ватаги Ной ояъ—„владѣлецъ“.

(**) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Том. XXX, XXXVI и XL, № 30,528.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: 1) Распоряженіе епархіальнаго начальства: О перковномъ пѣніи съ извлеченіемъ изъ Высочайшихъ повелѣній. 2) Разныя извѣстія: Объявленіе благословенія Божія, утвержденіе въ должности, опредѣленіе, перемѣн. и увольненіе въ отпускъ. Разрядный списокъ учениковъ Астраханскаго духовнаго училища. **Отдѣлъ неофициальный:** О походно-улусныхъ церквахъ—(продолженіе).

Редакторъ Я. Лебединскій.